

A man and a woman are standing in a modern, industrial-style interior. The man, on the left, has grey hair and a beard, wearing a dark blue suit jacket over a dark shirt. The woman, on the right, has dark hair and is wearing a dark blazer over a light-colored blouse. They are both looking out a large window towards the right. The view outside the window shows a cityscape with a river, buildings, and a bridge. The lighting is warm and golden, suggesting sunset or sunrise.

Павел Лимонов

В 46.
Первая любовь
вернулась моим
заказчиком

Павел Лимонов
В 46. Первая любовь
вернулась моим заказчиком

<https://litres.ru/74264729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать семь лет назад Константин Каширин решил за нас обоих, что у нашей любви нет будущего. Теперь его имя стоит в самом важном договоре этой осени: первая любовь вернулась в мою жизнь как заказчик моей оценочной компании.

Мне сорок шесть. Я привыкла отвечать за каждое профессиональное решение и умею отличать доказанный факт от удобной версии. Но у ценной картины из наследства Кашириных обнаруживается сомнительное прошлое: на кону стоят десятки миллионов и моя репутация. А мужчина, которому я однажды не смогла доверять, впервые принимает мои условия без торга и не просит забыть прошлое.

Чтобы довести экспертизу до конца, мне придется проверить не только происхождение картины. Я должна понять, действительно ли Константин изменился — и можно ли дать первой любви второй шанс, не потеряв себя.

Содержание

Глава 1. Имя в договоре	4
Глава 2. Условия для всех	14
Глава 3. Четыре пропущенных года	24
Глава 4. То, что он знал	33
Глава 5. Расписка без владельца	42
Глава 6. Цена удобного ответа	52
Глава 7. Каталог из Верхнеозерска	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Павел Лимонов

В 46. Первая любовь

вернулась моим заказчиком

Глава 1. Имя в договоре

В понедельник утром имя Константина Каширина стояло в трех местах: на первой странице договора, под согласием на раскрытие конфликта интересов и в моем календаре напротив записи «Хранилище, одиннадцать тридцать».

Я проверила даты еще раз. Договор собственники подписали третьего сентября. Мое уведомление получили четвертого. Инга Каширина ответила в тот же день, Константин — через двадцать семь минут после сестры. Оба подтвердили, что знают о наших отношениях, закончившихся в августе 1999 года, и не возражают против участия моей компании.

Формально этого было достаточно, чтобы обсуждать заказ. Для спокойствия — нет.

— Ты читаешь одну страницу шестой раз, — сказала Ирина Савина с порога моего кабинета. — Нашла новую запятую?

— Проверяю, не нашла ли старая запятая способ стать основанием для страхового случая.

Ирина закрыла дверь и села напротив. Мы работали вместе одиннадцать лет, и ей не требовалось объяснять разницу между волнением и сомнением в методике.

— Еще можешь отказаться, — напомнила она. — До уставочной встречи. Потом отказ придется обосновывать перед собственниками и компенсировать им задержку.

— Могу. Но основание какое? Двадцать семь лет назад я встречалась с одним из заказчиков. Сейчас мы не родственники, не супруги, не кредиторы друг друга. Он не контролирует фирму и не оплачивает мои личные расходы.

— Основание — ты не спала полночи.

— В СРО пока не принимают отчеты о сне.

Ирина не улыбнулась. Она держала перед собой копию моего уведомления, хотя знала его содержание.

— Лида, этот договор дает нам хорошую загрузку на сентябрь и октябрь. Именно поэтому я хочу услышать не удобный ответ.

Цена договора составляла семьсот восемьдесят тысяч рублей. Для крупной федеральной компании это была одна строка расходов, для нас — заметная часть квартальной выручки. Потеря заказа не закрыла бы «Линию оценки», но заставила бы перенести покупку нового оборудования и уменьшила премии. Я не имела права притворяться, что деньги ничего не значат. Так же как не имела права выдавать их значение за профессиональный довод.

— Я могу вести проект, если каждый промежуточный

документ проходит твою проверку, — сказала я. — Существенная переписка идет сразу обоим собственникам и Анне Лапиной. Встречи только по повестке. Если нынешний личный интерес появится, я отвожусь от подписи.

— «Если появится» звучит слишком уверенно.

— Тогда так: если я перестану быть уверена, что сторонний оценщик принял бы то же решение на тех же данных, я отвожусь.

— Уже лучше.

Ирина положила уведомление на стол.

— Я буду в переговорной. На осмотр поеду с тобой.

В десять часов офис-менеджер сообщила, что пришли Константин Каширин и юрист собственников. Я закрыла договор, надела очки и сняла их через секунду: для встречи они мне не требовались. Этот бессмысленный жест разозлил меня больше, чем само имя в календаре.

Анна Витальевна Лапина вошла первой. Невысокая женщина лет сорока, в темно-синем костюме, она представилась, передала доверенность на участие в переговорах и сразу спросила, где можно подключить ноутбук. За ней появился Константин.

Я узнала его без внутренней проверки по отдельным признакам. Он стал крупнее, седина была заметна даже в коротких темных волосах, а левый мизинец по-прежнему немного отклонялся после давнего перелома. В двадцать один год он стеснялся этой руки на фотографиях. Сейчас положил ла-

донь на спинку стула и спокойно дождался, пока я закончу приветствие с Анной.

— Лидия Андреевна.

— Константин Сергеевич.

Мы пожали руки. У меня не возникло желания удержать его ладонь или немедленно отдернуть свою. Это обрадовало меня ровно до той минуты, пока я не поняла, что отмечаю такие вещи.

Ирина предложила всем сесть. Константин положил передо мной оригинал согласия.

— Я получил ваше уведомление и обсудил его с Ингой и Анной, — сказал он. — Подписи внизу. Если требуются дополнительные правила, назовите их до начала работы.

Он не спросил, как я жила, не сделал вид, что наша встреча стала для него сюрпризом, и не попытался превратить деловой стол в место примирения. Я ожидала любого из этих нарушений и не получила ни одного.

— Существенные документы получают оба собственника одновременно, — ответила я. — Устные изменения задания не действуют. Техническое исследование, атрибуция и юридическая проверка происхождения выполняются отдельно. Наш отчет отвечает на вопрос о стоимости, но не создает право собственности и не подтверждает авторство вместо профильных специалистов.

— Понимаю.

— Личные встречи под видом рабочих исключены. Если

понадобится обсудить прошлое, это произойдет после рабочего времени и только с отдельного согласия.

Анна подняла взгляд от ноутбука. Константин не отвел глаз.

— Согласен.

— Сегодня мы проводим первичный осмотр коллекции. Предварительных цен в хранилище я не называю. Все замечания попадут в акт.

— Это относится ко всем объектам или к картине Реминовой? — спросил он.

— Ко всем. По «Пристани в августе» у меня отдельный вопрос к документам. В переданном списке нет источников за период с девяносто шестого по двухтысячный год.

— Мать купила ее в двухтысячном. Расписка есть.

— Расписка подтверждает то, что в ней написано. Ее содержание мы проверим отдельно.

Раньше Константин не любил ответы, которые оставляли место неопределенности. Он предпочитал получить план, даже если данных для него было мало. Сейчас только кивнул и повернулся к Анне:

— Добавьте этот период в перечень запросов.

До хранилища мы добирались на двух машинах. Ирина села ко мне, Анна поехала с Константином. На Выборгской набережной движение остановилось, и Ирина открыла на планшете карточки объектов.

— Пока справляешься, — сказала она.

— Спасибо за промежуточную аттестацию.

— Не за что. Ты уже заметила его руку.

— Я замечаю особенности осматриваемых объектов.

— Каширин в задание не входит.

— Именно поэтому я ничего о нем не записала.

В профессиональном хранилище нас встретил администратор, проверил документы и выдал временные пропуска. Коллекцию Кашириных держали в отдельном помещении с контролем температуры и влажности. Там находились двенадцать живописных работ, несколько предметов декоративного искусства и три коробки семейных документов. «Пристань в августе» стояла в вертикальной кассете, закрытая защитным материалом.

Я сняла часы и кольцо, убрала их в карман сумки, надела перчатки и попросила хранителя открыть кассету. Работу переместили на стойку двое сотрудников. Константин остался за обозначенной линией, как требовали правила.

Картина не производила впечатления вещи, предназначенной для роскошной гостиной. На ней была рабочая пристань, серо-зеленая вода, лодка с темным бортом и три небольшие фигуры вдали. Живопись держалась на точных соотношениях цвета, а не на эффектной детали. Я видела черно-белую репродукцию в старой статье о Ремизовой, но там название сопровождалось вопросительным знаком.

— Размер? — спросила Ирина.

— Девяносто два на сто тридцать один, — ответил храни-

тель, сверившись с карточкой.

Мы сделали общий вид, углы, подпись, кракелюр, состояние рамы и оборот. На старом дублированном холсте сохранялись штампы мастерской, поздняя наклейка реставратора и прямоугольная зона более светлой поверхности. Кто-то снял оттуда бумажную маркировку. По краям остались волокна клеевого слоя, однако текста не было.

— Это мог быть обычный инвентарный ярлык, — сказал Константин.

— Мог, — согласилась я. — Мог быть транспортный, выставочный или владельческий. Пока известно только, что маркировка существовала и была удалена до нынешней фиксации.

— Когда?

— По визуальному осмотру надежно не скажу. Нужен специалист по материалам.

Хранитель передал мне папку. В описи значились расписка от двенадцатого июня 2000 года, банковская запись от двадцать первого июня, страховые документы с 2004-го и описание Ардатова 2017 года. До июня двухтысячного цепочка начиналась формулировкой «из частного собрания».

— Кто указал частное собрание? — спросила я.

— Георгий Ардаков, — ответила Анна. — Он консультирует Ингу по продаже.

— На основании какого источника?

— В его описании есть ссылка на сведения прежнего ди-

лера.

— Сведения устные?

— Похоже на то.

Константин подошел ближе к линии, но не переступил ее.

— Насколько это серьезно?

Я посмотрела на картину, потом на папку. Его вопрос был нормальным вопросом собственника, который хотел понимать риск. Прошрое не давало мне права отвечать резче или мягче.

— Достаточно серьезно, чтобы не называть стоимость без оговора и не использовать работу как обеспечение до проверки. Недостаточно, чтобы утверждать незаконное владение. У вашей матери есть свидетельство платежа и длительная история открытого хранения. Но у нас нет надежного документа о том, от кого продавец получил право распоряжаться картиной.

— Что потребуется?

— Лабораторная фиксация материалов и маркировки. Архивная проверка выставок Ремизовой. Полный пакет Ардатов, включая его запросы. Юридический анализ расписки. И согласие Инги на расширение задания.

— Оно будет сегодня.

— Это должна подтвердить Инга.

Он выдержал короткую паузу.

— Я попрошу ее ответить в общем канале.

Мы осмотрели остальные объекты, сверили номера и под-

писали акт доступа. На последней странице я внесла отдельную запись: «Происхождение объекта за период 1996–2000 годов документально не подтверждено; на обороте зафиксирован след удаленной бумажной маркировки. До получения дополнительных сведений вывод о рыночной стоимости не формируется».

Анна прочитала вслух. Ирина поставила визу согласования. Константин подписал акт без замечаний.

У выхода из хранилища он задержался, пока Анна обсуждала со служащим копию журнала доступа.

— Вы всегда обращаетесь со мной так официально? — спросил он.

— Пока вы заказчик моей компании — да.

— Я спрашивал о правилах и получил ответ.

— Хорошее начало для работы.

— Только для работы?

Я не стала делать вид, что не поняла.

— Других отношений между нами сейчас нет.

— Понял.

Он отошел первым. В этом не было ни обиды, ни демонстративной учтивости. Просто принятый ответ.

В офис мы вернулись после четырех. Я занесла фотографии в защищенную папку, составила список недостающих документов и открыла внутренний журнал конфликта интересов.

— Решение? — спросила Ирина.

— Принимаем проект. Все промежуточные меморандумы проверяешь ты. Если появится текущая заинтересованность, я уйду из подписи.

— Зафиксируй точную формулировку.

Я зафиксировала. Потом направила Анне, Инге и Константину запрос на полный список владельцев, выставок, перевозок и реставраций. В отдельном пункте попросила объяснить происхождение формулировки «из частного собрания».

Ответ Инги пришел через одиннадцать минут: она согласалась на расширенную проверку, если мы не будем превращать ее в бессрочное исследование.

Константин написал позже: «Правила понятны. Передам все документы, включая неудобные».

Я сохранила письмо в папку проекта. След снятой наклейки уже находился в официальном акте, и теперь никто не мог убедить нас, что его не было. Имя Константина тоже находилось в документах. С ним предстояло работать так же: не дополнять неизвестное удобной версией и не выдавать память за факт.

Глава 2. Условия для всех

На следующий день в нашей переговорной собралось столько людей, сколько обычно требовалось для обсуждения не картины, а небольшого завода.

Инга Каширина пришла раньше брата. Она была похожа на Константина линией бровей и привычкой сразу выбирать место, с которого видно всех участников. Села напротив меня, положила телефон экраном вниз и спросила:

— Сколько дней мы потеряли?

— Пока ни одного. Расширение задания обсуждается сегодня. Срок изменится после согласования лаборатории и архивов.

— В ноябре ответ будет?

— Если источники ответят в обычные сроки. Обещать за музеем и архив я не могу.

— Мне нужен первый платеж за акции до пятнадцатого ноября.

— Я получила эту информацию. Она влияет на ваши решения, но не на достоверность документов.

Инга посмотрела на Ирину, словно проверяла, поддержит ли партнер мою неудобную формулировку.

— Это общая позиция фирмы, — сказала Ирина.

Следом вошли Анна, Константин и Георгий Ардагов. Дилер выглядел лет на сорок пять, говорил негромко и держал-

ся как человек, привыкший входить в кабинет с уже найденным решением. Он принес тонкую кожаную папку и положил ее рядом с моим экземпляром акта.

— Предлагаю начать с хорошей новости, — сказал Ардатов. — Покупатель подтвердил сорок шесть миллионов. Оферта действует до конца октября при наличии оценки и стандартного комплекта документов.

— Какой комплект он считает стандартным? — спросила Анна.

Ардатов передал ей письмо. Анна прочитала и переслала электронную копию участникам.

— Подтверждение авторства, право собственников, отсутствие заявленных притязаний третьих лиц, состояние и оценка, — перечислила она. — Последние два пункта можно получить. По первым двум пока вопрос.

— Авторство сомнений не вызывает, — уверенно ответил Ардатов. — Ремизову знаю давно, работу видел еще до наследства. А пробел в семейном архиве для частной сделки обычен. Прошло двадцать шесть лет.

— На каком первичном источнике основано ваше описание происхождения? — спросила я.

— На сведениях дилера, который продал работу Галине Михайловне.

— Письменных?

— В арт-рынке многое строится на репутации.

— В отчете оценщика источник должен быть проверяе-

мым. Репутация может объяснить, почему покупатель доверял продавцу, но не заменяет право распоряжаться чужой вещью.

Ардатов слегка развел руками.

— Тогда укажите ограничение. Работа существует, она подлинная, семья владела ею открыто. Никто не предъявлял претензий.

— Мы пока не подтвердили ни подлинность, ни отсутствие возможного требования. Именно для этого расширяем проверку.

— Сколько это стоит? — спросила Инга.

Я открыла смету.

— Техническое исследование — двести десять тысяч. Архивный поиск, поездка и заверенные копии — ориентировочно тридцать пять. Резерв на дополнительные исследования и транспорт — до шестидесяти пяти. Общий лимит дополнительных расходов — триста десять тысяч, только после вашего согласия на каждый этап.

— И десять рабочих дней, — добавила она.

— Лаборатория называет от десяти до четырнадцати.

— Покупатель ждать не обязан.

— Покупатель тем более не обязан принимать риск, о котором его не предупредили, — сказала Анна.

Инга повернулась к брату.

— Костя, ты понимаешь, что без этих двадцати миллионов твой план по моей доле меняется?

— Понимаю.

— И?

— Я не буду просить оценщика написать то, чего он не может подтвердить.

— У тебя есть другой источник первого платежа?

— Есть варианты. Они хуже исходного.

— Мне не нужны варианты после пятнадцатого ноября.

Константин не стал отвечать за двоих. Он открыл письмо покупателя и спросил у Анны:

— Если сегодня утвердим исследования, когда обязаны уведомить его о новом ограничении?

— После того как появится факт, существенно меняющий заявленную цепочку. Сам пробел уже был в перечне, но след маркировки и отсутствие первичного источника нужно раскрыть сейчас.

— Подготовьте письмо.

Инга постучала ногтем по столу.

— Ты легко распоряжаешься нашей общей картиной.

— Именно поэтому письмо подпишем оба.

Она хотела возразить, но Анна открыла протокол и предложила идти по пунктам. Это помогло: спор перестал быть семейным и стал последовательностью решений, за каждое из которых отвечали названные люди.

Мы утвердили техническое задание лаборатории. Петр Серов должен был исследовать материалы, поздние вмешательства и следы маркировки. В документе отдельно стояла

фраза, что лаборатория не устанавливает автора и собственника. Архивный поиск включал выставки Ремизовой с 1995 по 2000 год, каталоги, журналы перемещения и сведения о передаче работ.

— Я все же предлагаю выдать хотя бы предварительный диапазон, — сказал Ардатов. — С условием чистого происхождения. Покупателю нужно понимать порядок цены.

— Для внутреннего планирования мы можем анализировать рынок, — ответила я. — Письменный диапазон появится после того, как станет ясно, какие ограничения включать. Иначе цифра начнет жить отдельно от условий.

— Сорок шесть миллионов уже существует отдельно от ваших условий.

— Это цена предложения конкретного покупателя, а не установленная рыночная стоимость.

— Лидия Андреевна, вы всегда так осторожны?

— Когда отвечаю за вывод своим именем, страховкой и членством в СРО — да.

Константин посмотрел на меня. Я не смогла определить, что означал его взгляд, и не стала придумывать. Он обратился к Ардатову:

— Передайте фирме весь пакет, на котором основано описание 2017 года. Не выборку.

— Там рабочие записи и контакты клиентов.

— Закройте данные, которые не относятся к нашей картине. Источники по ней оставьте.

— Я подготовлю.

— Сегодня.

Слово прозвучало привычно для руководителя, привыкшего назначать срок. Ардатову это не понравилось, но он кивнул.

После двух часов мы подписали протокол. В нем было указано, что оба собственника получают одинаковые версии документов; любые сведения о возможном праве третьего лица немедленно передаются Анне; продажа до окончания проверки совершается только после отдельного письменного решения собственников и раскрытия риска покупателю.

Пока Анна сверяла нумерацию приложений, Инга вышла к кулеру и вернулась со стаканом воды. Она не села, а осталась у окна.

— Я двенадцать лет отвечала в компании за закупки, — сказала она брату. — Каждый раз, когда я предлагала выйти из направления, ты находил еще одну причину подождать. Теперь срок стоит в договоре. Не превращай картину в следуюшую причину.

— Я договор не оспариваю.

— Ты оспариваешь способы получить деньги.

— Потому что отвечаю за то, что останется после моего платежа. Если вытащить из компании лишнюю сумму, пострадает оборотный капитал.

— А если я останусь еще на год, пострадаю я. Это ты в таблицу не заносишь.

Константин открыл было рот, но Анна подняла ладонь.

— В протокол оценки этот разговор не войдет. В договор продажи акций — войдет только подтвержденный график. Продолжите у себя.

Инга села. Ее нетерпение стало понятнее: она боролась не только за деньги, но и за право наконец выйти из дела, где брат привык считать ее время частью семейного ресурса.

Я попросила офис-менеджера принести чай и дала всем десять минут. Ардатов сразу вышел звонить покупателю. Инга набрала сотрудника своего нового проекта и заговорила о размерах пробной партии коробок. Константин отвечал финансовому директору. В обычных обрывках работы они выглядели менее собранными, чем за столом: у Инги сорвался голос на слове «поставка», Константин дважды переспросил одну и ту же цифру. Срок уже отнимал у них внимание и влиял на другие дела.

После перерыва мы вернулись к формулировкам. Инга потребовала указать предельную дату каждого запроса. Я добавила сроки там, где их называли исполнители, и отказалась ставить дату за архив, который еще не подтвердил наличие документов.

— Тогда хотя бы день следующей общей встречи, — сказала она.

— Семнадцатое сентября. Если раньше появится существенный факт, соберемся вне графика.

— Вот это можно планировать.

Инга поставила подпись последней.

— Я согласилась на проверку, а не на то, что картина стала чужой, — предупредила она.

— В протоколе именно это и написано, — ответила я. — Собственность пока не оспорена. Есть пробел, который нужно исследовать.

— Тогда не употребляйте слово «спорная» в письмах.

— Пока нет заявителя, я употребляю «неподтвержденная цепочка происхождения». Если появится требование, формулировка изменится.

— Принимаю.

Она встала и попросила Анну задержаться. Константин тоже собрал документы, но не ушел.

— У вас пять минут? — спросил он при Ирине.

— Если вопрос относится к договору.

— Относится. Вы сказали, что финансовый срок не влияет на вывод. Но вы должны знать, насколько он жесткий.

— Расскажите при Ирине.

Он сел обратно.

— Инга продает мне двадцать два процента акций «Северного формата». Первый платеж — шестьдесят миллионов до пятнадцатого ноября, еще двадцать шесть — по графику. Банк предварительно одобрил тридцать пять. Пять я беру из личных средств. Остальное планировал закрыть своей половиной выручки от картины.

— Если продажа не состоится?

— Придется продать нежилое помещение раньше, чем я собирался, или менять кредитную структуру.

— Почему Инга выходит?

— Хочет свой проект. И хочет перестать спорить со мной о каждом решении.

В этой фразе было достаточно самоиронии, чтобы я отметила ее, и недостаточно, чтобы счесть признанием.

— Мы внесем срок в карточку риска, — сказала Ирина.

— Он объясняет давление, но не изменяет порядок.

— На это я и рассчитываю, — ответил Константин.

Когда переговорная опустела, я раскрыла папку Ардатова. На первой странице находилось его описание: «Происходит из частного собрания Северо-Запада; приобретена Галиной Михайловной Кашириной в 2000 году у известного петербургского дилера».

Дальше шли страховые оценки, реставрационная справка и несколько цветных фотографий. Источника о частном собрании не было. Не было ни письма прежнего дилера, ни копии договора, ни выставочной записи до двухтысячного года.

Я перелистала папку второй раз и составила опись.

— Тонкая, — заметила Ирина.

— Для двенадцати картин — да. Для одной удобной версии — вполне.

Ардатов прислал электронные файлы в половине шестого. Среди них были те же документы и таблица запросов без

адресатов и дат. В графе «владение до 2000 года» стояло: «Подтверждено устно».

Я направила общий ответ: пакет получен, первичный источник о владельце до 2000 года отсутствует, необходимы сведения о лице, давшем устное подтверждение, времени и обстоятельствах разговора.

Через несколько минут Константин написал всем участникам: «Прошу Георгия Леонидовича ответить полностью. Финансовый срок не является основанием сокращать пакет».

Инга ответа не дала.

Я закрыла переписку и посмотрела на утвержденное задание. Теперь условия были одинаковыми для всех: для сестры, которой нужны деньги; для брата, которому нужен контроль над компанией; для посредника, рассчитывающего на комиссию; и для меня, слишком хорошо помнившей человека по другую сторону стола.

Ни один из нас не получил права на удобный ответ.

Глава 3. Четыре пропущенных года

Десятого сентября картину передавали лаборатории. Я приехала в хранилище к девяти, сверила пломбы на транспортном коробе и попросила администратора распечатать журнал доступа за три дня. После нашего осмотра к работе никто не подходил. Это был обычный контроль, но Ардатов назвал его излишним еще до того, как снял пальто.

— Мы же говорим о семейной собственности, — сказал он. — Не о вещественном доказательстве.

— Поэтому журнал останется в рабочем деле, а не отправится следователю, — ответила Ирина.

Она привезла камеру и комплект масштабных линеек. Петр Ефимович Серов осмотрел помещение, проверил влажность и объяснил порядок исследования представителям собственников. От Инги приехал помощник с доверенностью. Константин присутствовал сам и большую часть времени отвечал на рабочие сообщения у окна, не вмешиваясь в подготовку.

— Сначала общий вид при рассеянном свете, — сказал Петр. — Затем боковой, ультрафиолетовая съемка и доступные участки оборота. Рентгенография — только если увидим основание. Дублирование закрывает значительную часть холста, поэтому обещать чтение удаленного ярлыка я не буду.

— Вы сможете подтвердить авторство? — спросил помощник Инги.

— Я смогу описать материалы и их соответствие заявленному периоду. Авторство устанавливается совокупностью данных. Право собственности вообще не моя область.

Мне нравились специалисты, которые начинали работу с перечня того, чего не знают. С ними реже приходилось исправлять чужую уверенность.

Хранители переместили картину на стойку. Петр работал медленно, каждый этап называл вслух, а лаборант заносил его в протокол. При боковом освещении прямоугольный след на обороте стал отчетливее. Нижний край был неровным, справа сохранился узкий участок бумаги.

— Можно взять микропробу клея? — спросил Петр.

Анна сверилась с собственниками. Константин согласился, помощник Инги позвонил ей и получил подтверждение. Серов показал участок на фотографии, обозначил размер и только после этого отделил несколько волокон.

Ардатов приблизился к стойке.

— Если это затянет исследование, я бы не тратил время. Старые наклейки снимали перед реставрацией постоянно.

— Возможно, — сказал Петр. — Поэтому я исследую след, а не объясняю его привычкой.

— Покупателя интересует подлинность.

— Тогда он получит ответ в пределах методов.

Ардатов повернулся ко мне:

— Лидия Андреевна, в задании можно оставить базовый объем. Для рынка этого достаточно.

— Объем уже утвержден обоими собственниками.

— Его можно уточнить.

— После общего письменного решения.

Константин убрал телефон в карман и подошел.

— Георгий, вы вчера обещали передать исходные материалы по описанию.

— Передал все, что относится к делу.

— В таблице нет адресатов запросов.

— Контакты конфиденциальны.

— Закройте данные клиентов. Оставьте архивы, даты и ответы.

Ардатов вздохнул.

— Каждая дополнительная проверка выглядит для покупателя как сомнение владельцев в собственной вещи.

— У владельцев уже есть сомнение в документах, — сказал Константин. — Оно записано в акте. Передайте полный пакет.

Он не смотрел на меня, ожидая одобрения. Разговор шел между ним и нанятым посредником. Я впервые за три дня позволила себе оценить его поступок как личное наблюдение: Константин защищал проверку, которая могла лишить его двадцати миллионов.

Потом вернулась к работе.

Расписку 2000 года мы изучали за отдельным столом. На

пожелтевшем листе значилось, что галерея получила оплату за картину Ремизовой. Подпись принадлежала Вадиму Лисову. Печати не было, должность Лисова не указали, приложения с описанием объекта не составили. На обороте мать Кашириных записала размеры и пометку «доставили девятнадцатого».

— Деньги ушли двадцать первого, — сказала Анна, сравнивая копию банковской операции. — Расписка датирована двенадцатым.

— А доставили девятнадцатого, — добавила я. — Три события, три даты. Это может быть обычной последовательностью аванс — доставка — окончательный расчет. Но сумма в расписке совпадает с полной банковской суммой.

— Мама могла заплатить наличными, а потом перевести еще раз? — предположил Константин.

— Тогда требуется подтверждение возврата или второго назначения платежа, — сказала Анна. — Пока мы не знаем.

Я попросила его рассказать только то, что он видел сам.

— Я был в Москве. О покупке узнал позже, — ответил он. — Картина уже висела у матери в кабинете. Она сказала, что нашла работу через знакомого дилера. Имя Лисова я слышал сейчас.

— Инга присутствовала?

— Анна уточнит у нее письменно.

Формулировка была правильной. Он не стал пересказывать сестру и не выдал семейное предположение за факт.

После упаковки короб опломбировали новыми номерами. Я подписала акт передачи, Ирина проверила перечень фотографий, представители собственников поставили подписи рядом со своими экземплярами. Лаборатория получила четырнадцать рабочих дней, но Петр обещал сообщить предварительные сведения по материалам раньше, если они будут однозначными.

Транспортировка заняла меньше часа, однако оформить ее было сложнее, чем перевезти короб. Хранитель снял показатели температуры и влажности, водитель расписался за пломбы, лаборант принял короб только после получасовой выдержки в помещении. Ардатов попытался поехать вместе с машиной, но его фамилии не оказалось в согласованном списке сопровождающих.

— Я представитель покупателя, — сказал он администратору.

— В акте вы консультант собственников, — ответил тот. — Представителей покупателя сегодня не заявляли.

Ардатов посмотрел на Константина.

— Исправим список?

— Нет, — сказал тот. — Получите протокол вместе со всеми.

В лаборатории Петр еще раз объяснил, почему нельзя просто снять дублировочный холст ради поиска ярлыка. Вмешательство относилось к реставрации, требовало отдельного заключения о необходимости и создавало риск для

красочного слоя. Для нашей задачи хватало доступных методов.

— Значит, часть оборота мы можем никогда не увидеть,
— сказал Константин.

— Именно, — ответил Петр. — Исследование редко возвращает предмету полную биографию. Оно только отделяет то, что можно подтвердить, от того, чего мы не знаем.

Я увидела, что эта фраза Константину не понравилась. Он привык платить за результат, который можно положить в папку. Здесь оплата давала ему еще и перечень вопросов без ответа.

— Только не называйте промежуточное наблюдение заключением, — предупредил он. — Я знаю, как быстро одна фраза оказывается в письме покупателю.

— Все промежуточные сообщения идут через протокол,
— сказала я.

— Тогда сработаемся.

В машине по дороге в лабораторию я открыла список известных выставок Антонины Ремизовой. Ее крупная персональная выставка состоялась в Петербурге в 1995 году. В 1996-м несколько работ показывали в районных музеях области. Названия в общедоступной статье перечислялись частично.

— Есть Верхнеозерск, — сказала Ирина. — Октябрь — декабрь девяносто шестого.

— Электронного каталога нет.

— Запросишь бумажный?

— И журнал движения фонда. Если работа была временной, должен остаться акт приема или хотя бы страховая опись.

— Двадцать лет прошло.

— Тридцать.

— Спасибо, что исправила возраст документов, а не мой.

В лаборатории мы еще раз проверили пломбы и присутствовали при распаковке. Под ультрафиолетом стали видны поздние вмешательства по краям и несколько участков старой реставрации. Подпись в нижнем углу не показала явных поздних добавлений, однако Петр снова отказался делать вывод до исследования.

Во время перерыва Константин подошел к автомату с кофе, где я пыталась получить стакан без двойной порции сахара.

— Вы не изменились в одном, — сказал он.

— Вы уже нарушаете рабочую повестку?

— Нет. Вы по-прежнему исправляете вопрос, если он поставлен неточно.

— Это профессиональная деформация.

— Она появилась до профессии.

Автомат выдал кофе. Я попробовала и убедилась, что сахар он все-таки добавил.

— У вас есть вопрос по исследованию?

— Есть. Частный покупатель сообщил, что oferta теперь

действует только до тридцать первого октября. Нужно ли это официально направить фирме?

— Да. Всем участникам.

— Направлю. И еще одно. Если срок вынудит нас отказаться от продажи, вы сможете закончить отчет без нее?

— Продажа не является условием оценки. Но правовой риск влияет на оборотоспособность и применимость аналогов. Если цепочка останется неполной, в отчете будет существенное ограничение.

— То есть цифра может оказаться бесполезной для банка.

— Может.

Он принял ответ без попытки уточнить, насколько бесполезной. Мне снова пришлось заметить это.

Вечером Ардатов прислал дополненную таблицу. В ней появились два телефонных разговора с умершим дилером и запрос в частный архив без копии ответа. В строке за август 2026 года стояло: «Региональные каталоги — сведений нет». Адресатов по-прежнему не было.

Я направила запросы в Российскую национальную библиотеку, Верхнеозерский музей и городской архив. Указала название, размеры, технику, предполагаемый год, имена вдовы художницы и известного дилера. Приложила фотографию лицевой стороны, не раскрывая сведения о цене и покупателе.

Потом составила промежуточную записку: платеж подтвержден, полномочия получателя денег неизвестны, проис-

хождение с 1996 по 2000 год не подтверждено, лабораторное исследование начато. Диапазон стоимости не формируется.

Ирина прочитала документ и поставила визу.

— Каширин сегодня был полезен, — сказала она.

— Он выполнил обязанность заказчика передать сведения.

— Я говорю не для отчета.

— Тогда я тоже отвечу не для отчета. Да, был.

К вечеру пришло подтверждение из Верхнеозерска: запрос зарегистрировали, поиск бумажного каталога займет до десяти рабочих дней. Открытой цифровой копии действительно не существовало.

Я занесла срок в календарь. Четыре пропущенных года больше нельзя было считать пустым местом между распиской и семейной памятью. У периода появился адрес, а у нас — обязанность узнать, что хранилось в его архиве.

Перед уходом Алексей заметил, что в запросе в библиотеку я указала старое название отдела. Письмо уже ушло. Я направила короткое уточнение, не отзывая первый запрос и не делая вид, что ошибки не было. Через час библиотекарь ответила: обращение все равно попало по назначению.

День завершился не разгадкой, а номером входящего письма, исправленным названием и датой ожидаемого ответа. Для настоящей проверки этого было достаточно.

Глава 4. То, что он знал

Квартира Галины Михайловны Кашириной стояла закрытой с ноября. Наследники вывезли картины и ценные предметы, но книги, письма и хозяйственные папки остались на местах. Двенадцатого сентября мы приехали туда с Ириной и Анной, чтобы осмотреть домашний архив покупки.

Константин встретил нас в прихожей. Он был в темных брюках и свитере, без пиджака и сопровождающих. От этого квартира не стала личной территорией меньше, поэтому я первым делом включила запись времени в акте и попросила подтвердить видеосвязь с Ингой.

— Я здесь, — ответила она с экрана ноутбука. — Коробки вижу. Разрешаю вскрытие всех пяти. Личные письма, которые не относятся к коллекции, прошу не копировать.

— Они не войдут даже в опись содержания, — сказала я. — Мы зафиксируем только факт, что папка не относится к заданию.

Анна показала камере номера коробок. Константин разрезал пломбы при нас, после чего отошел к окну. В гостиной сохранялся обычный порядок человека, который собирался вернуться: плед на кресле, книги с закладками, очки в футляре. Я не стала рассматривать фотографии на комод. Они не имели отношения к заданию.

В первой коробке лежали счета за реставрацию и страхов-

ку. Во второй — каталоги выставок. Третья содержала банковские выписки за 1999–2001 годы и записные книжки. Мы работали по очереди: Анна называла документ, я определяла его связь с объектом, Ирина заносила сведения в опись.

Запись о переводе Вадиму Лисову нашлась в сентябрьской банковской выписке, куда ее когда-то переложили из июньской папки. Сумма совпадала с распиской. В назначении платежа стояло: «по счету за произведение искусства». Самого счета не было.

— Почему выписка в сентябре? — спросила Анна.

Константин пожал плечами.

— Мать могла собрать документы позже. Я не знаю.

— Запишем как найденное место, без вывода, — сказала я.

В записной книжке напротив фамилии Лисова стояли два номера и короткая пометка: «Картина А.П., доставка после рамы». Один номер давно отключили, второй принадлежал организации, ликвидированной в 2004 году. Полномочий Лисова запись не подтверждала.

Ирина нашла письмо на бланке галереи. Отправитель благодарил Галину Михайловну за покупку, сообщал о необходимости заменить крепления рамы и обещал доставку до двадцатого июня. Подпись была неразборчивой. Название картины в письме отсутствовало.

— Для добросовестности полезно, — сказала Анна. — Для права продавца по-прежнему мало.

— Согласна.

Мы перешли к последней коробке. В ней лежали программы концертов, приглашительные, студенческие фотографии Константина и Инги. Я собиралась закрыть ее как личную, когда между двумя конвертами увидела снимок университетского двора.

На фотографии мне было восемнадцать. Я сидела на каменной ограде в слишком легком пальто, Константин стоял рядом и держал меня за локоть. На обороте был мой почерк: «Галине Михайловне — чтобы Костя не утверждал, что приходит на лекции ради образования».

Я помнила эту подпись. Не помнила, что подарила снимок его матери.

Константин увидел фотографию одновременно со мной. Он не протянул руку.

— Это личное, — сказала я и передала снимок ему. — В акт не входит.

Ирина отметила папку как не относящуюся к заданию. Анна продолжила опись с той деловой ровностью, которая в подобных обстоятельствах была формой такта.

— Я не знал, что она сохранила, — сказал Константин.

— Это не меняет работу.

— Понимаю.

Он положил фотографию в конверт и убрал в ящик письменного стола. Я вернулась к выпискам. Пальцы слушались, даты читались ясно, но прежней уверенности в достаточно-

сти исходного раскрытия у меня уже не было. Прошрое находилось не только в памяти двух людей. Оно лежало в семейном архиве заказчика, могло быть обнаружено другими участниками и влияло на то, как каждый из нас объяснял встречу.

Следующая папка оказалась кухонной бухгалтерией Галины Михайловны: чеки за продукты, счета за лекарства, квитанции за коммунальные услуги. Мы уже собирались отложить ее, когда Анна нашла между квитанциями лист с расчетом доставки картины. Внизу стояли инициалы Лисова и номер машины, но подписи владельца или договора перевозки не было.

— Мама хранила все, — сказал Константин. — Даже чеки на батарейки.

— Не все, — ответила Инга из ноутбука. — Письма от врачей выбрасывала, потому что боялась, что мы начнем контролировать лечение.

На секунду брат и сестра забыли о нас. Константин спросил, почему она никогда этого не говорила. Инга ответила, что говорила дважды, а он оба раза присылал нового специалиста. Потом сама оборвала разговор и попросила вернуться к описи.

Мне стало понятнее, откуда у него привычка заменять тревогу готовым решением. Это ничего не оправдывало. Зато показывало, что привычка действовала не только в любви и не только со мной.

Анна внесла лист доставки в перечень. Номер машины можно было проверить по старым страховым документам галереи, если они сохранились. Мы сделали копию и положили оригинал обратно между квитанциями, отметив точное место.

К двум часам мы закончили. Инга подтвердила закрытие коробок, Анна сохранила запись видеосвязи, я подписала акт. В квартире не было удобного места для сканирования, поэтому мы отнесли копии в кафе на первом этаже соседнего дома, где Анна проверила защищенную передачу файлов.

Ирина заказала обед и ушла звонить в офис. Анна занялась письмом наследникам Лисова. Константин сел напротив меня.

— Я должен сказать еще одну вещь, — произнес он.

— Она относится к документам?

— К конфликту интересов.

Я закрыла папку.

— Тогда говорите при Ирине.

Она вернулась через минуту и села рядом. Константин повторил начало.

— Инга получила три рекомендации оценочных компаний. Одной была «Линия оценки». Я увидел имя Лидии Андреевны до того, как мы подписали договор. Я не выбирал фирму единолично, но мог попросить заменить ее. Не попросил.

— Почему? — спросила Ирина.

Он посмотрел на меня.

— Хотел увидеть, кем она стала.

Ответ был прямым и оттого неприятнее любой версии о случайности.

— Вы надеялись встретиться через оплачиваемый вашей семьей договор, — сказала я.

— Да. Я не собирался влиять на работу или обсуждать прошлое без согласия. Но понимал, что встреча произойдет.

— Почему не сообщили это после моего уведомления?

— Решил, что ваше раскрытие охватывает сам факт отношений и моего знания достаточно для согласия. Это было удобное толкование.

— Для вас.

— Для меня.

Он не добавил, что действовал из лучших побуждений. Не попросил оценить, насколько честно признался сейчас. Просто оставил ответственность на своей стороне.

Ирина открыла рабочий журнал.

— Фирму выбирала Инга на основании рекомендаций?

— Вместе с Анной. Я подтвердил бюджет и не возражал.

— Были переговоры с другими компаниями?

— Предварительные звонки. Договоров не было.

— Вы ожидали, что Лидия лично возьмет проект?

— Знал, что она управляющий партнер. Не мог быть уверен, кто подпишет отчет.

Ирина записала ответы.

— Лида, твое решение?

Мне хотелось отказать сразу. Так было бы проще и убедительнее: обнаружить скрытую личную цель, выйти из проекта, вернуть себе полную дистанцию. Но удобство не являлось доказательством необходимости.

— Факт предварительного знания вносим в журнал, — сказала я. — Каждый промежуточный меморандум подписываем вдвоем. Я не провожу встреч с Константином без второго сотрудника или Анны, пока действует договор. Если возникнет нынешний личный интерес, отвожусь от итоговой подписи.

— Возражений нет, — ответил Константин.

— Я еще не закончила. Попытка использовать проект для личного разговора приведет к моему отводу сразу.

— Понял.

— И не говорите, что хотели только увидеть. Вы хотели получить возможность контакта и не сообщили об этом до встречи.

— Согласен.

Его готовность принять точную формулировку не делала поступок правильным. Она только не заставляла меня тратить силы на спор с оправданием.

Анна сохранила дополнение к журналу и предложила вернуться к документам. Мы сопоставили письмо галереи, пометку в записной книжке и банковскую запись. Время доставки совпадало, однако дата расписки отстояла от платежа

на девять дней. Если расписка подтверждала полную оплату двенадцатого июня, назначение банковского перевода двадцать первого оставалось необъясненным.

— Запросим сведения о счете и выписку банка с расширенным назначением, если она сохранилась, — сказала Анна. — И наследников Лисова.

— Галерея могла проводить платеж позже, — заметил Константин.

— Могла, — ответила я. — Но перевод ушел физическому лицу. Сначала установим его статус.

Мы вышли из кафе в половине четвертого. Ирина поехала в офис с копиями. Анна вызвала машину. Константин остался на тротуаре рядом со мной.

— Я помню, что личный разговор запрещен, — сказал он. — Поэтому только рабочий вопрос. Вы жалеете, что приняли заказ?

— Это личный вопрос, сформулированный как рабочий.

— Верно. Снимаю.

Он попрощался и ушел к своей машине.

В офисе я внесла его признание в журнал конфликта интересов. Ирина поставила электронную подпись. Потом мы выпустили меморандум о найденных документах: платеж зафиксирован, связь письма галереи с конкретной картиной вероятна, полномочия Вадима Лисова не подтверждены, расхождение дат требует объяснения.

К вечеру Анна получила ответ из банка: расширенного на-

значения в архивной выписке не было. Наследников Лисова искали через нотариальные сведения. Я добавила девять дней между распиской и переводом в перечень вопросов.

Общий снимок не попал ни в один рабочий документ. Предварительное знание Константина попало. В этом заключалась разница между личной памятью и фактом, влияющим на независимость работы.

Я продолжила проект, но исходная уверенность исчезла. Одного раскрытия прошлого оказалось мало, потому что у настоящего уже появилась скрытая цель. Теперь каждый мой вывод должен был выдержать еще одну проверку — не только профессиональную, но и честную перед самой собой.

Уже дома я вспомнила, что не купила отцу фильтры для дачного насоса, хотя обещала утром. Магазин закрылся. Пришлось позвонить и признаться. Он сказал, что закажет сам, и спросил, не случилось ли чего на работе.

— Нашелся старый документ, — ответила я.

— Хороший?

— Пока просто старый.

Так звучала правда без профессионального доклада и без рассказа о Константине. Остальное я еще не могла объяснить даже себе.

Глава 5. Расписка без владельца

К пятнадцатому сентября у нас было три документа об одной покупке и ни одного надежного ответа о продавце.

Аналитик «Линии оценки» Алексей вывел на большой экран банковскую запись, расписку и письмо галереи. В отдельной колонке стояли сведения из реестров: Вадим Лисов в 2000 году не был директором галереи, не числился ее учредителем и не имел зарегистрированного статуса предпринимателя. Он арендовал в том же здании небольшое помещение, но назначение аренды в открытых данных отсутствовало.

— Может быть сотрудником, — сказал Алексей. — Трудовые документы мы не получим без основания. Галерею ликвидировали, архив владельца не сохранился.

— Наследники? — спросила Ирина.

— Сын ответил Анне. Говорит, отец иногда помогал знакомому галеристу с перевозками, о картине ничего не знает. Бумаг у семьи нет.

Я увеличила подпись на расписке. Даже если Лисов работал в галерее, документ не показывал, что собственник поручил ему продать именно эту вещь. Добросовестность матери Кашириных становилась понятнее, цепочка права — нет.

— В меморандуме разделяем факты, — сказала я. — Первое: Галина Михайловна заплатила и получила картину. Вто-

рое: связь Лисова с галереей возможна, но его полномочия не установлены. Третье: продавец до галереи неизвестен.

— И расхождение дат, — напомнила Ирина.

— Да. Оно не доказывает нарушение, но не позволяет считать расписку простым подтверждением банковского платежа.

В одиннадцать началась видеоконференция с Анной, собственниками и финансовым директором «Северного формата». Последнего пригласил Константин, чтобы объяснить влияние задержки на кредит. Я заранее предупредила: структура финансирования останется клиентской информацией и войдет в рабочее дело только в объеме, необходимом для понимания срока.

— Банк готов открыть кредитную линию на тридцать пять миллионов после подтверждения корпоративных процедур, связанных с залогом акций и изменением структуры пакета, — сообщил финансовый директор. — До этого мы указывали продажу унаследованного искусства как дополнительный источник ликвидности. Без отчета банк картину не учитывает.

— Это отменяет одобрение? — спросила Инга.

— Нет. Но первый платеж нужно собирать иначе.

— Каким образом?

Константин ответил сам:

— У меня есть нежилое помещение на Лиговском. Планировал держать его еще два года. Если выставлю сейчас,

получу от сорока до сорока восьми миллионов, в зависимости от срока продажи.

— Ты говорил о нем как о резерве на развитие производства.

— Поэтому исходный вариант был лучше.

— А пять миллионов, которые ты собирался внести сам?

— Они останутся резервом на расходы по сделке и компании. Если картину исключаем окончательно, схема другая: продажа помещения, двенадцать миллионов с накопительного счета и первые пять миллионов из кредитной линии.

Инга пересчитала сумму быстрее, чем я успела открыть калькулятор.

— Если помещение уйдет за сорок три, получится ровно шестьдесят. А остальные тридцать миллионов линии?

— Оставлю на платежи по рассрочке. Но банк должен отдельно согласовать, что первый транш будет только пять миллионов и помещение действительно выставлено на продажу.

— Это дороже.

— Да.

— Поэтому нам нужен отчет вовремя.

Я дождалась, пока они закончат.

— Финансовый срок понятен, — сказала я. — Сегодня мы выпускаем промежуточный меморандум без диапазона стоимости. Пока не придет ответ по выставочной истории, оснований для другого вывода нет.

— Вы не можете посчитать хотя бы условно? — спросила Инга.

— Внутренний анализ аналогов идет. Письменная цифра без описания риска может быть использована отдельно от условий. Я ее не выдам.

— Даже если оба заказчика попросят?

— Даже тогда.

Константин молчал. Раньше его молчание в споре со мной означало, что он готовит более сильный довод. Сейчас он обратился к финансовому директору:

— Исключите картину из базового плана. Оставьте как возможное пополнение после урегулирования.

— Тогда завтра подаем кредитный пакет с помещением в резерве?

— Да. Закажите независимую оценку помещения и начинайте поиск покупателя.

Инга сняла очки.

— Ты мог попросить неделю.

— У оценщика?

— У всех.

— Неделя не создаст документ, которого нет.

Разговор закончился без примирения, однако с решением, которое можно было исполнить. После отключения финансового директора Анна объяснила правовую часть.

— Длительное открытое владение и подтвержденная оплата позволяют Кашириным утверждать добросовестное

приобретение. Но если появится прежний собственник с надежными документами, исход спора заранее обещать нельзя. Особенно если картина выбыла из владения помимо его воли. Поэтому частную продажу без раскрытия риска я не рекомендую.

— Прежнего собственника пока нет, — сказала Инга.

— Именно. Мы ищем факты, а не назначаем победителя.

Я показала участникам проект меморандума. Там не было слов «украденная», «незаконная» или «бесспорная собственность». Только известные даты, документы, пробелы и перечень дальнейших действий.

Ардатов, которого на финансовую часть не пригласили, позвонил сразу после встречи.

— Мне нужно обсудить с вами практический выход, — сказал он. — Без семейного совета.

— Направьте письменную повестку. Встретимся с Ириной.

— Разговор конфиденциальный.

— Тогда он не относится к нашему заданию.

— Относится к будущим заказам вашей фирмы.

Я включила громкую связь, предупредив его об Ирине в кабинете.

— Тем более направьте предложение письменно.

— Вы превращаете обычную рыночную ситуацию в процедуру для государственного музея.

— Мы проверяем объект, за вывод по которому отвеча-

ем. Если у вас есть источник, способный сократить работу, укажите его.

— Есть вариант задания, который снимает лишние вопросы.

— Пришлите текст. Его получают собственники и юрист. Он помолчал.

— Хорошо. Семнадцатого в одиннадцать?

— Если Ирина свободна.

Она показала большой палец.

— Свободна, — сказала я.

После звонка мы выпустили меморандум. Ирина подписала его второй. Анна подтвердила получение и в течение часа переслала письмо банка: без итогового отчета картина не включалась в источники первого платежа.

В бухгалтерии тем временем обнаружили менее заметное последствие. По договору мы получили аванс, но лабораторные расходы оплачивали сначала со своего счета, а затем выставляли собственникам. Если заказ расторгнут до отчета, деньги вернутся по акту, однако на несколько недель наш оборотный резерв уменьшался почти на четверть.

— Зарплаты это не затронет, — сказала Ирина, просматривая платежный календарь. — Оборудование пока не заказываем. И предупреди Алексея, что премию за проект считать рано.

Я позвала его в кабинет и объяснила ситуацию без фамилий клиента. Алексей выслушал, потер переносицу и спро-

сил:

— То есть моя работа по аналогам может вообще не войти в итоговый отчет?

— Может. Часы мы оплатим. Премия зависит от финансового результата проекта, как и моя.

— Понял. Тогда я сегодня закончу только подборку, а комментарии отложу до архивного ответа.

Он не произнес красивой речи о профессиональной чести. Просто перестроил день и ушел. Именно так решения руководителя становились чужими расходами времени, даже если фирма не стояла на краю закрытия.

Вечером я позвонила отцу. Он попросил помочь с оплатой ремонта насоса на даче и удивился, когда я сказала, что переведу деньги только после выходных.

— У тебя что-то случилось?

— Нет. Большой проект стал менее предсказуемым. Я на несколько дней осторожнее с расходами.

— Тогда насос подождет. Мы пока возим воду из колонки.

Я перевела половину суммы из личного резерва и попросила мастера прислать смету. Разговор занял четыре минуты, но вернул день к нормальному масштабу. За пределами картины, семейной компании и первой любви существовали люди, которым требовалась вода на даче, а не теория независимости оценщика.

Я могла представить, сколько стоило Константину решение исключить ее из плана. Но мои догадки о его сожалении

не имели значения. Значение имел запрос оценщику помещения, который он приложил к общей переписке как подтверждение альтернативного варианта.

Днем пришло короткое уведомление из Верхнеозерского музея. Сотрудники нашли учетную карточку выставки 1996 года, но для выдачи копии требовалось разрешение директора. Бумажный каталог искали в библиотечном фонде. Ответ обещали до конца недели.

Я сообщила об этом всем сторонам и обновила срок.

Константин позвонил после семи. В офисе оставались только мы с Ириной.

— Рабочий вопрос, — начал он. — Инга считает, что я слишком легко согласился исключить картину. Вы могли бы объяснить ей, что промежуточный меморандум еще не означает потерю актива?

— Это есть в документе. Объяснить могу на общей встрече. Убеждать ее в вашей финансовой стратегии не буду.

— Я и не прошу.

— Вы просите меня сказать те же факты голосом, которому она, по вашему мнению, поверит больше. Это уже участие в семейном споре.

Он не ответил сразу.

— Да. Вы правы. Я сам с ней поговорю.

— И направьте итог Анне, если он изменит задание.

— Направлю.

Перед тем как отключиться, он спросил:

— Вы когда-нибудь соглашаетесь помочь без письменной фиксации?

— Другим — часто. Заказчикам — с учетом предмета помощи.

— Ясно.

— Константин Сергеевич.

— Да?

— Это снова был личный вопрос.

— Знаю. Больше сегодня не будет.

Я положила телефон. Ирина посмотрела поверх монитора.

— Хорошо обучается.

— Он взрослый человек, а не стажер.

— Взрослые тоже обучаются. Иногда даже добровольно.

На следующий день нас ждала встреча с Ардатовым. Его обещание «снять лишние вопросы» я внесла в служебную запись сразу после звонка. Расписка без установленного владельца уже лишила Константина удобного источника денег. Теперь посредник собирался предложить удобный источник уверенности.

Я знала цену таким предложениям еще до того, как услышала сумму.

Мы закрыли офис в восемь. На лестнице Ирина вспомнила, что оставила в холодильнике контейнер с ужином, и вернулась. Я ждала у двери, слушая, как охранник спорит по телефону о доставке дивана. Обычная жизнь продолжалась

рядом с нашей многомиллионной картиной и не собиралась подстраиваться под драму.

Ирина вышла с контейнером и спросила, подвезти ли меня. Я отказалась: машина стояла у тротуара.

— Тогда завтра в девять, — сказала она. — И не репетируй разговор с Ардатовым всю ночь.

— Я не репетирую.

— Уже репетируешь ответ.

Она уехала, оставив меня злиться на ее правоту.

Глава 6. Цена удобного ответа

За двадцать минут до встречи Ирина поставила на стол диктофон, потом убрала его обратно в ящик.

— Записывать без согласия не будем. Составляем протокол при нем, — сказала она. — Если разговор уйдет от повестки, останавливаем.

— Думаешь, предложит деньги?

— Думаю, предложит то, что сможет потом назвать обычным сотрудничеством.

Я открыла присланную повестку. В ней значились «уточнение задания» и «перспективы совместной работы». Ни одного архивного источника Ардатов не приложил. Эта предусмотрительность была почти профессиональной: он хотел оставить предложение достаточно расплывчатым, чтобы каждый услышал свое.

Ардатов пришел на встречу с готовым дополнительным соглашением. В нем предлагалось исключить проверку происхождения из задания и оценить картину при допущении, что авторство и право собственности предоставлены заказчиком как достоверные сведения.

— Это обычная конструкция, — сказал он, положив два экземпляра перед Ириной. — Вы не юристы и не эксперты по авторству. Зачем отвечать за чужие вопросы?

— Мы за них и не отвечаем, — сказала я. — Но обяза-

ны описать влияние неполных сведений на стоимость и возможность продажи.

— Укажите одной строкой, что документы проверяет собственник.

— После этого вы покажете покупателю цифру на первой странице, а строку оставите в приложении.

Он улыбнулся без смущения.

— Покупатель умеет читать.

— Тогда ему не мешает полный отчет.

Ирина пролистала соглашение и вернула его.

— Оба собственника утверждали другое задание. Мы не обсуждаем изменение без них.

— Я уполномочен вести переговоры о продаже.

— Не менять договор оценки, — ответила она.

Ардатов перестал улыбаться. Он рассказал о трех коллекциях, которые должны выйти на рынок зимой, и о владельцах, ищущих оценщика с опытом. Формально это звучало как возможное сотрудничество. Смысл был понятнее: будущая выручка в обмен на готовность не замечать неудобный пробел.

— Направьте предложения в обычном порядке, — сказала я. — Сегодняшний проект они не изменят.

— Вы слишком буквально понимаете независимость.

— Другого способа отвечать за подпись у меня нет.

— На рынке остаются те, кто умеет работать с неполными документами.

— Мы умеем. Поэтому пишем, каких документов нет и на что это влияет.

— Через месяц ваши клиенты будут помнить только, что вы сорвали сделку.

— Сделку ведете вы. Мы готовим отчет.

Он повернулся к Ирине, словно рассчитывал найти у второго собственника фирмы более практичный взгляд.

— Вы партнер. Вам действительно удобно терять крупного клиента из-за одного ярлыка?

— Мне неудобно выплачивать ущерб по отчету, который нельзя защитить, — ответила она. — И еще неудобнее объяснять сотрудникам, почему для знакомого посредника правила оказались другими.

Ардатов взял оба экземпляра соглашения и выровнял их края.

— Значит, договориться не получится.

— По предложенному тексту — нет, — сказала я. — Если у вас есть источник, обсуждение продолжится.

Я завершила встречу и составила служебную запись при Ардатове. Указала предложенное изменение, упоминание будущих заказов и наш отказ. Он прочитал текст, отказался подписывать, что тоже вошло в запись. Через десять минут документ получили Инга, Константин и Анна.

Когда за ним закрылась дверь, Ирина открыла окно. В переговорной пахло его резким одеколоном и остывшим кофе.

— Взятки не предложил, — сказала я.

— Зачем? Он предложил зависимость, которую труднее доказать.

Офис-менеджер заглянула собрать чашки и спросила, оставлять ли Ардатову в списке приглашенных на будущие встречи. Я попросила ничего не менять до решения собственников. Даже после такого разговора мы не могли самовольно лишить представителя доступа, который ему дали заказчики.

Через пять минут он прислал письмо: «Подтверждаю, что стороны не достигли согласия по коммерчески разумному уточнению задания». Я ответила одной строкой: «Предложение не принято; действующее задание остается без изменений». Ирина поставила меня в копию своего согласия. Мы не спорили о слове «разумному»: оно ничего не меняло.

Инга позвонила первой.

— Он утверждает, что вы выставили его взяточником.

— В записи нет этого слова. Есть последовательность разговора.

— Предложение заказов может быть обычным деловым разговором.

— Поэтому я не делаю вывода о намерении. Фиксирую обстоятельства.

— Вы намерены довести договор до расторжения?

— Я намерена выполнить утвержденное задание.

— Иногда вы говорите так, словно результат интересует только вас.

— Результат интересует всех. Ответственность за мой вывод остается у меня.

Константин подключился к общей связи позже. Он не стал называть Ардатову мошенником и не объявил меня безусловно правой.

— Георгий должен до завтра прислать полный список своих архивных обращений, — сказал он. — Если не придет, мы приостановим его полномочия по картине до решения собственников.

— Ты уже решил за обоих, — заметила Инга.

— Я сформулировал предложение. Ты согласна?

Она помолчала.

— До завтра — да.

— И еще, — сказала Анна. — Приостановить полномочия можно только письменным распоряжением обоих собственников. Подготавливаю проект после звонка.

— Подготовьте, — ответила Инга. — Но если Георгий пришлет источники, вернем доступ.

— Согласен, — сказал Константин.

Их спор не исчез. Он просто получил процедуру и срок, поэтому никто не мог утром объявить, что понял договоренность иначе.

Я отметила эту короткую поправку. В прежнем Константине после слов «мы приостановим» последовала бы точка. Сейчас он вернулся и задал вопрос. Возможно, потому что Анна сидела рядом. Возможно, потому что действительно

научился. Я не имела оснований выбирать объяснение.

После обеда мы с Ириной поехали в лабораторию. Петр показал предварительные результаты: состав белил, связующего и нескольких пигментов соответствовал концу семидесятых годов. Явных материалов, появившихся позже 1978-го, в исходном красочном слое не нашли. Поздняя реставрация была локальной.

Он не показывал нам цветные пробирки и эффектные приборы, как в телевизионном расследовании. На экране стояли спектры с подписями участков, рядом лежала таблица отбора проб. Петр провел пальцем по строкам, не касаясь самого монитора.

— Здесь свинцовые белила, здесь цинковые. Оба материала применялись задолго до семьдесят восьмого. Синтетический ультрамарин тоже ничего не сужает до года. Важно другое: мы пока не нашли современного пигмента, который исключил бы заявленную дату.

— То есть формулировка «соответствует концу семидесятых» слишком сильная? — спросила я.

— Для промежуточного письма — да. Пишите: «не выявлено материалов, противоречащих датировке в исследованных участках». После полного исследования дам вывод шире или оставляю этот.

Я исправила черновик прямо при нем. Такие уточнения редко выглядели драматично, зато именно на них держалась разница между исследованием и красивой догадкой.

— Это поддерживает дату, — сказал он. — Не подтверждает руку Ремизовой. По клею с маркировки ответ будет через неделю. Текст восстановить, скорее всего, нельзя.

— Можно сопоставить размер с музейными ярлыками? — спросила Ирина.

— Если музей даст образец. Но совпадение размера покажет только тип, не конкретное учреждение.

Мы подписали протокол промежуточного сообщения. Я направила его сторонам с теми же ограничениями. Ардатов ответил через семь минут: «Таким образом, период подтвержден». Я написала в общий канал: «Подтверждено отсутствие выявленных несоответствующих периоду материалов в исследованных участках. Авторство и происхождение не установлены».

Петр прочитал мой ответ и хмыкнул.

— Через час цитата будет звучать как «лаборатория подтвердила Ремизову».

— Поэтому письмо получили все.

— Письма не мешают людям пересказывать удобнее.

— Зато мешают утверждать, что другой версии не было.

В шесть вечера пришло письмо из Верхнеозерского музея. Бумажный каталог выставки 1996 года нашли в закрытом библиотечном фонде. В электронном письме не было скана: музей предлагал очное ознакомление после согласования даты. Одновременно сотрудник сообщил, что в старом журнале перемещений упоминается работа Ремизовой,

однако запись нужно сопоставить с инвентарным номером.

Я позвонила Анне. Через полчаса мы назначили поездку на двадцать первое сентября. Поехать должны были я как ведущий оценщик, Анна как юрист и один из собственников. Инга отказалась из-за переговоров. Константин подтвердил участие.

Ардатов так и не прислал список запросов. Вместо него пришло письмо на фирменном бланке: он считал дальнейший архивный поиск избыточным и отказывался раскрывать контакты третьих лиц. Константин в общем канале подтвердил приостановление его полномочий по картине до общего решения.

Инга позвонила брату по общей линии, когда Анна еще оставалась в системе.

— Если ты отстранишь Георгия, покупатель уйдет к другой работе.

— Возможно.

— Тебе легко говорить. Ты сохраняешь компанию, а я снова жду денег.

— Помещение выставлено. Оценщик приезжает завтра.

— По какой цене?

— Диапазон назовет после осмотра.

— Очень удобно. Теперь у нас повсюду люди, которые ничего не обещают.

— Зато мы знаем, кто за что отвечает, — сказала Анна.

— Георгий отвечает за переданный пакет. Константин —

за резервное финансирование. Вы — за согласие или отказ от приостановления.

Инга потеряла лоб и согласилась подписать распоряжение до конца дня. Ее раздражение осталось в голосе. Так было правдоподобнее внезапного семейного единства.

— Покупатель уйдет, — написала Инга.

— Возможно, — ответил он. — Но скрытый источник не станет чистым от скорости сделки.

Я сохранила переписку. В тот день Константин лишился еще одного удобного пути и не попросил меня возместить потерю благоприятным выводом.

На столе лежало предложение Ардатова. Оно обещало быстрый отчет, новые заказы и спокойных клиентов. Цена удобного ответа редко указывалась отдельной строкой. Она появлялась позже — в претензии покупателя, в страховом уведомлении, в собственном имени под выводом, который невозможно защитить.

Я отправила соглашение в архив с пометкой «отклонено» и забронировала машину до Верхнеозерска.

Глава 7. Каталог из Верхнеозерска

Мы выехали из Петербурга в половине седьмого утра. Анна села сзади и открыла ноутбук еще до КАД. Константин вел машину сам. Я выбрала место рядом, потому что с заднего сиденья меня укачивало, и сразу объяснила это вслух, чтобы не приписывать обычному решению лишнего смысла.

— Я не собирался спрашивать, — сказал он.

— Поэтому объяснила Анне.

— Разумно, — отозвалась она, не отрываясь от экрана. — Через десять минут мне понадобится связь. Потом можете молчать профессионально или лично, на выбор.

Первые полтора часа мы обсуждали документы. Музей согласовал просмотр каталога и учетных книг при сотруднике. Городской архив подготовил опись ремонта 1998 года. Копии обещали заверить, если мы укажем точные листы. До закрытия оставалось шесть часов, а на обратную дорогу требовалось не меньше трех.

После Приозерского шоссе связь стала пропадать. Анна закрыла ноутбук и переложила вопросы в бумажный блокнот.

— Если в каталоге ничего нет, берем опись выставки и список страхования, — сказала она. — Если нет и их, фиксируем отрицательный результат у сотрудника, который проводил поиск.

— Отрицательный результат тоже придется оплачивать?

— спросил Константин.

— Время архива и копирование — да.

— Я не спору. Хочу понимать счет.

Он заехал на заправку. Анна купила воду и три одинаковых бутерброда, не спросив наших предпочтений.

— Это не решение за двоих, а спасение графика, — объявила она.

— За троих, — поправила я.

— Тогда нарушение серьезнее. Можете отказаться и потерять двадцать минут в кафе.

Мы съели бутерброды в машине. Константин оказался человеком, который снимал верхний кусок хлеба и оставлял его в упаковке. Я помнила, что в девятнадцать он делал так же. Спросить, почему, означало бы признаться, что я сохранила эту бесполезную подробность на двадцать семь лет. Я промолчала и занялась списком вопросов.

Верхнеозерский музей занимал бывший дом купца на центральной площади. Директор провел нас в читальный зал, где уже лежали серые архивные коробки. Сотрудница попросила снять верхнюю одежду, запретила пользоваться ручками и выдала мягкие подставки для каталога.

Она проверила наши паспорта, доверенность Анны и письмо от обоих владельцев. Одного договора с фирмой оказалось недостаточно: в запросе были фотографии имущества частных лиц. На переоформление допуска ушло сорок ми-

нут. Константин дважды посмотрел на часы, но не предложил позвонить директору «по другому каналу».

— Мы предупреждали о составе группы, — сказала Анна сотруднице.

— Предупреждали. В письме не было согласия на копирование семейных фотографий.

— Их и не копируем. Только каталог и учетные документы музея.

После этой поправки нас допустили. Я записала время начала работы. Бюрократия раздражала, но защищала архив от людей, которые считали любой найденный лист своим по праву срочности.

Издание 1996 года состояло из сорока восьми страниц. На тридцать первой была черно-белая репродукция знакомой пристани. Под ней значилось: «А. П. Ремизова. Пристань в августе. 1978. Холст, масло. Собрание Е. М. Ремизовой». Елена Михайловна была вдовой художницы. В примечании музей назывался временным экспонентом.

Я сверила размер. Девяносто два на сто тридцать один сантиметр.

— Та же работа? — спросил Константин.

— Совпадают название, год, техника, размер и композиция. Для окончательного сопоставления нужны детали изображения и состояние. Но вероятность высокая.

— Можно сфотографировать?

— После оформления копии, — сказала сотрудница. —

Самостоятельная съемка запрещена.

Константин не пытался договориться быстрее. Анна оформила заявку, оплатила копирование со счета собственников и получила расписку. Я внесла страницу в перечень источников.

В журнале поступлений выставки значилось, что работу приняли от Елены Ремизовой в сентябре 1996 года и должны были вернуть в январе 1997-го. Рядом стояла карандашная пометка «оставлено по просьбе дирекции до весенней экспозиции». Акта возврата в коробке не оказалось.

Мы просмотрели соседние номера. По большинству работ стояли даты возврата и подписи получателей. У двух строк, включая «Пристань», графы оставались пустыми. Это снижало вероятность простой особенности заполнения журнала.

— Может, акты лежат в другом фонде? — спросил Константин.

— Может, — ответила сотрудница. — Во время ремонта документы делили между музеем и городским архивом. Мы не имеем права писать «не возвращено» только потому, что в этой книге нет подписи.

— Запишите в справке точнее: «акт возврата в просмотренном фонде не обнаружен», — попросила я.

— Так и сделаем.

Городской архив находился в десяти минутах ходьбы. В документах ремонта музея за 1998 год мы нашли ведомость

временного перемещения фонда. «Пристань в августе» под старым учетным номером направили в складское помещение на улице Мельничной. В графе возврата было пусто.

В архиве пахло пылью и влажной верхней одеждой посетителей. За соседним столом мужчина листал подшивки районной газеты и то и дело просил сотрудника помочь с увеличительным стеклом. Наша дорогая картина занимала в ведомости одну строку между двумя гипсовыми бюстами и комплектом рам. В 1998 году никто не знал, что через три десятилетия пустая графа будет стоить миллионы.

— Склад принадлежал музею? — спросила Анна.

Архивист проверил приложение.

— Арендовали у районного потребительского общества. Договор закончился в декабре 1999 года. Часть имущества вернули, часть передали в другое помещение. Полной описи передачи у нас нет.

— Кто отвечал за склад?

— Здесь две фамилии. Оба умерли. Личные дела находятся в другом фонде, доступ по отдельному запросу.

Мы заказали заверенные копии ведомости, договора аренды и страницы журнала. Ни один документ не объяснял, как картина оказалась у Лисова. Но теперь существовала подтвержденная точка: в 1998 году она оставалась временно принятой музейной работой семьи художницы.

Архивист предупредил, что заверение сделают только к четверем. До этого времени мы не могли уехать с фотогра-

фиями экрана вместо документов: для отчета требовались копии с реквизитами фонда. Анна переставила обратный звонок, Константин вышел поговорить с производством, а я осталась проверять опись склада.

В приложении нашлась фамилия водителя, который перевозил работы во второе помещение в 1999 году. Она не совпадала с Лисовым. Связи с галереей тоже не было. Я внесла фамилию в запрос, но не стала считать ее новым подозреваемым. Человек мог выполнить обычную перевозку и больше никогда не видеть картину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.